

Замѣтки о соловьяхъ. *)

МОСКОВСКАГО ПТИЦЕЛОВА.

Птицъ въ нынѣшнюю весну (80 г.) было гораздо меньше, — нѣкоторыхъ мы даже не видали, — и прилетѣли онѣ значительно позднѣе, почему и охота у насъ „сломалась“, плоха была; когда бы нужно ловить — ихъ нѣтъ или едва сыщешь, а прилетѣли — тотчасъ взялись за гнѣзда; морозы ли поздніе ихъ остановили или еще почему задержались, трудно сказать **).

За то соловьевъ нынче было привезено много, хотя хорошей птицы было мало. Лучшая птица была у Чеснокова, привезенная (какъ мы слышали, по порученію Московскаго Зоологическаго Сада) стариками: Дудкинымъ — „Графская“ птица, и Сорокинымъ „Свистовая“. Эти почтенные охотники, собственно „ловцы“, издавна пользуются извѣстностью въ средѣ московскихъ охотниковъ, какъ лучшіе знатоки въ дѣлѣ соловьиной охоты, и мы съ своей стороны искренне остаемся признательными этимъ двумъ охотникамъ за ихъ превосходную птицу.

Въ концѣ апрѣля намъ привелось слышать у Чеснокова оба сорта птицъ: Свистовыхъ и Графскихъ. Свистовые нынче показали себя „стукотнями“, особенными, въ родѣ „дятловой“ — вверху, замѣчательно хорошими, — также „дробями“, „дудками“, „волчковой“ „иволгами“. Разумѣется не каждая птица имѣла одинаково хорошія пѣсни, но тѣмъ не менѣе Сорокинъ поддержалъ свою славу, Также хороши были и Графскіе соловьи, собственно „дудками“, — „лѣшева“ и „оханьемъ“. Но изъ этого сорта мы слышали одну птицу, которая могла бы надѣлать немало шуму... Къ сожалѣнію она лишь слегка намѣтила себя, замолчала и замѣшавшись прошла безъ имени. Но насколько мы слышали, это должна быть превосходная птица. Она начина-

*) Свообразный охотничій языкъ этой статьи оставляемъ безъ измѣненій. Ред.

***) Замѣтка относится къ ближайшимъ деревнямъ за Тверской и Прѣсенской заставами.

ла: „спирidonъ спирidonъ, спирidonъ, спирidonъ, фу-фу-фу-фу, — „кукушкинымъ перелетомъ“. Такъ что едва ли мы ошибаемся замѣчая о достоинствѣ этой птицы. И надобно сказать, что только старикъ Дудкинъ можетъ дать такую птицу, которая именно, что мы и въ прошломъ слышали, не имѣетъ себѣ равной.

Однакожъ уважаемому читателю сего журнала едва-ли понятны наши сообщенія, а потому мы оставимъ ихъ и начнемъ иначе: разберемъ соловья по сортамъ.

Соловьевъ въ настоящее время въ охотѣ три: „Свистовой“, „Графскій“ и „Полякъ“ (польскій). Всѣ три сорта птицы не здѣшніе: здѣшніе подмосковные соловьи уже давно не въ охотѣ (виѣ охоты) и мы скажемъ о нихъ въ своемъ мѣстѣ, какъ и о другихъ, сошедшихъ со сцены соловьяхъ. Названія Свистовой, Графскій и Полякъ опредѣлены по мѣсту гдѣ держится птица и по характеру пѣсни, но и по виду своему птицы имѣютъ отличія. Свистовой соловей имѣетъ типъ „западнаго“ соловья, Графскій и Полякъ ближе имѣютъ типъ „восточнаго“. Въ отношеніи пѣсни помянутые три соловья между собою рѣзко отличаются: у свистового соловья „желна“, „дроби“ („рѣзвая“ и др.) суть характеристичека пѣсни, у Поляка его „дудка“, такъ и называется „польская дудка“, „польская пѣсня“, которую онъ и исполняетъ съ своимъ „пріемомъ“, обыкновенно „съ лягушки“, „съ кваканья“. Также и Свистовой характерно исполняетъ свои пѣсни, какъ равно и Графскій („стукотни“, „дудки“), не имѣя однакожъ такихъ собственныхъ пѣсень, какъ Графскій и Полякъ.

Ниже мы еще скажемъ о пѣснѣ.

Свистовой и Графскій до сихъ поръ между собою соперники и каждый имѣетъ своихъ поклонниковъ; одни Графскому отдають предпочтеніе, Графскою птицею и охотятся, другіе также Свистовому. Что будетъ дальше—трудно рѣшить, но есть основаніе сказать, что Свистовая птица есть коренная птица, Графская же птица случайная, какъ была Курская.

Попытаемся прослѣдить соловьиною охоту въ Москвѣ, отъ начала этой охоты, гдѣ она получила свое начало и такъ заботливо поддерживается охотниками.

Къ сожалѣнію о старинной охотѣ сохранились лишь краткія изустныя сказанія, изъ коихъ видно однакожъ, что въ прежнее время (лѣтъ съ лишнимъ 60 назадъ) соловьиная охота велась въ весьма большихъ размѣрахъ, и охотились люди, такъ сказать именитые, извѣстные въ столицѣ, какъ на примѣръ: Московскій кунецъ Иванъ Петровичъ Кирильцевъ *), Александръ Сергѣевичъ Шульгинъ, оберъ-полицеймейстеръ и многіе др. **). Свидѣтель той знаменитой охоты, поч-

*) Охотникамъ извѣстенъ послѣ 1812 г. и до конца дней своихъ 1838 г.

***) О. О. Шведовъ, П. А. Корзинкинъ, П. Григ. Лобковъ, Набилковъ, — охотники-спеціалисты.

тенѣйшій Парфеній Семеновичъ *), рассказываетъ, что въ то время въ Москвѣ гремѣли двѣ первостатейныя птицы: одна была „губовая“ (ученая на губовыхъ свистахъ), привезенная Тулякомъ, другая натуральная, „Курская“. Эти двѣ птицы просто поражали весь тогдашній міръ охотниковъ. Губовая кричала курскими пѣснями и между прочимъ „желной“ 40 словъ!..., разстановисто, сильно... Она висѣла въ трактирѣ Сѣдова, у Калужскихъ воротъ (гдѣ нынѣ трактиръ Бакастова). Охотникамъ, желающимъ подвѣшивать къ этой птицѣ, было назначено 5 руб. въ часъ и 25 руб. въ недѣлю. Дикая Курская въ свою очередь вызывала громъ рукоплесканій своими „дробями“. Большая зала трактира, гдѣ она висѣла (у Малаго-Каменнаго моста, трактиръ Выгодчикова), день и ночь была набита народомъ, слушавшимъ эту чудную птицу, и когда она кончала, то вся зала, дотолѣ безъ малѣйшаго шороха со стороны слушающихъ, разомъ оглашалась шумомъ аплодисментовъ и разговоровъ: каждый, отъ избытка, сердца стучалъ или хлопалъ ладонями превосходному пѣвцу. Ничего подобнаго этой птицѣ не было, нѣтъ и не будетъ. Дробями она кричала невыразимо хорошо,—довольно того, что ихъ было 9 манеръ; и особенно кричала „въ оборотъ“. Въ другихъ пѣсняхъ, въ „дудкахъ“, она была покороче помянутой губовой, но та была губовая, т. е. ученая. Также хорошая охота была у Ивана Петровича, такъ что другіе охотники обращались къ нему подвѣсить къ его птицѣ своихъ, и о птицѣ его такъ и говорилось „Кирильцевой клички“. У него между прочимъ была одна знаменитая ночная птица, заплаченная имъ 2000 руб.; какая именно и съ какими пѣснями, — намъ передать не могли, но извѣстно, что ему привозили соловьевъ изъ Тулы (братъ его, тоже охотникъ) и изъ Курска. Курскіе **), именно и были въ то время знамениты и цѣнны—до двухъ тысячъ рублей (съ хорошими пѣснями). Это подтверждаетъ и книга Ивана Андр. Крылова ***). Далѣе одинъ почтенный охотникъ (Д. П. Л.) свидѣтельствуетъ, что Курская птица есть первая появившаяся въ Москвѣ „по охотѣ“ (т. е. хорошая, удовлетворяющая требованію охотника-знатока); она была извѣстна еще до 1812 года, и позднѣе съ 1817 или 18 г., она же занимаетъ первое мѣсто. Съ конца двадцатыхъ годовъ встрѣчаемъ Новосильскую птицу. Въ такомъ положеніи находилась охота. Курская птица съ 1818 г. гремѣла по всѣмъ городамъ Россіи, затѣмъ стала стихать,

*) Довылъ въ здравіи проживающій въ Нижне-огородномъ переулкѣ, въ ветхомъ, полуразвалившемся домишкѣ, помѣщаясь въ двухъ комнатахъ съ весьма бѣдной и своеобразной обстановкой, гдѣ (помимо одного или двухъ приспособленій для сидѣнья) на первомъ планѣ кѣтки и садки съ канарейками и, посреди пола, англійскій пѣтухъ (поступившій на выдержку).

**) Подъ Курскомъ держались и ловлены были верстахъ въ 8—15.

***) „Для чего женился человекъ“, истинное происшествіе, относящееся ко времени 1825 или 26 г.

хужѣть: во-первыхъ потому, что усиленно вылавливали хорошихъ птицъ, а во-вторыхъ, вслѣдствіе измѣненія мѣстности, гдѣ держалась птица.

Разберемъ достоинства помянутыхъ трехъ первыхъ птицъ. Во первыхъ, впрочемъ, коснемся нашего подмосковнаго соловья. Было же такое время, когда и наша птица была въ охотѣ. И дѣйствительно, не только въ окрестныхъ лѣсахъ и садахъ встрѣчалась хорошая птица (разумѣется насколько это допускала обрѣзающая птицу природа),—въ городскихъ садахъ можно было слышать хорошую пѣсню. Наши соловьи кричали „волчевой“ *), „лягушками“, „раскатомъ“. Въ настоящее время пѣсня ~~нашего соловья, говоря вообще,~~ состоитъ изъ мелочей (разныхъ мелкихъ штукъ, взятыхъ и своихъ) съ короткимъ раскатомъ, плохими („подмосковными“) стукотнями и развѣ съ двумя какими посредственными пѣснями. Помянутая привозная Тульская птица, насколько ее помнятъ здѣсь, была съ порокомъ и вообще не отличалась достоинствомъ **), развѣ лишь изрѣдка превосходила нашего соловья и то не особенными какими пѣснями. Иное дѣло Курскій соловей ***); эта птица была высокаго достоинства, она именно заставляла человѣка и плакать въ умиленіи, и восторгаться. Новосильскіе соловьи отличались „стукотнями“ (собственно исполненіемъ пѣсни), кричали „кукушкинымъ перелетомъ“; въ остальномъ особеннаго не было. Въ тридцатыхъ годахъ, когда Курская птица нѣсколько стала сдавать, здѣсь были Черниговскіе соловьи, Польскіе и Бердичевскіе. Первые (съ р. Слопы) кричали всеми дудками: „польской“, „лѣшевой“, „водопоиной“, „лягушечьей“; кричали „дробями“ и „пульканьемъ“. Вторые (до сихъ поръ въ охотѣ) отличались своею типичною („трелевою“, какъ ее называютъ) дудкой, вверхъ „съ кваканья“, также другими „дудками“, „дробя-

*) „Волчкова дудка“ пѣсня весьма хорошая и въ настоящее время рѣдкая, даже въ хорошихъ соловьяхъ. Она принадлежитъ птицѣ „Волчку“ (*Sitta uralensis*) появляющемуся здѣсь по лѣсамъ и большимъ садамъ осенью, съ маленькими синицами, въ пролетъ оныхъ (птица не отлетная). Лягушка у соловья также хорошая пѣсня. Она дѣлится на: „кваканье“ „дудка, въ родѣ „червяковой росыни“ (о таковой упомянемъ ниже), „гремушка“.

Намъ извѣстенъ фактъ, что одинъ охотникъ, рассчитывая на „росыни“, носилъ молодыхъ канареекъ на мѣста, гдѣ держались лягушки. Другой охотникъ вслушивалъ хорошихъ лягушекъ, ловилъ ихъ и помѣстивъ у себя въ удобное мѣсто, подвѣшивалъ къ нимъ соловьевъ.

Лучшія лягушки здѣсь были въ Красномъ прудѣ и въ прудахъ въ Лефортовскомъ саду.

**) За исключеніемъ „подставныхъ“, т. е. тѣхъ, которые были подвѣшены къ Курскимъ или вообще хорошимъ соловьямъ.

***) Пѣсни курскаго соловья слѣдующія: „желна“, „дробь“ (на нѣсколько манеръ) густая и мелкая,—„стукотни“, нѣсколько, также „дудки“, „свисты“, „кукушкинъ перелетъ“, „кляканье“. (Это главнѣйшія пѣсни, помимо мелкихъ, напримѣръ, „ястребкова“, „журавлика“, „голубкова“ и проч.).

ми“ и „стукотнею“ овсяночною, въ звонѣ. Къ сожалѣнію, въ настоящее время у Поляка осталась только его дудка „польская“. „Бердичевскіе“ кричали „дробями“, „дудками“. Эти два соловья, „Черниговскій“ и „Бердичевскій“ были предвѣстниками настоящей „Свистовой“ птицы, привезенной сюда, насколько помнимо, въ 1852 году. Эта птица своею, говоря вообще, свистовою, нѣжною пѣсней сразу выдѣлилась и вошла въ славу. (Курская въ то время значительно стихла).

Пѣсни ея слѣдующія: „Дроби“ (вообще главнѣйшая пѣсня у соловья), коихъ три манеры: „рѣзвая“ (мелкая дробь вверхъ), „стукотная“ (вродѣ стукотни) и „розсыпь“ (пожиже и покороче рѣзвой). „Юлиная розсыпь“. Затѣмъ „дудки“: „водопойная“, „баланъ“ (свистовая дробь подобно—го-го-го-го... вверхъ), „червяковая“ (какъ-бы мелкая розсыпь), „польская“, „лѣшева“ „волчковая“, „голубковая“ (воркованье горлицы). „Стукотни“: „дятловая“, „воронова“ (когда два ворона промежъ себя разговоръ ведутъ, переговариваются), „юлиная“. „Желна“ (крикъ чернаго дятла, длинное повтореніе „квы“). „Свѣтлый куликъ“. Свисты: „смирновскій“ (прямой свистъ: „ивъ“ „ивъ“, „ивъ“!), „визговой“ (и на слухъ визговой: вивъ-вивъ-вивъ..., скоро вверхъ или, измѣненный: вѣвъ-вѣвъ-вѣвъ-вѣвъ...). 3-й свистъ ви-ви-ви!... „Кукушкинъ перелетъ“ (когда идя по лѣсу спугнешь кукушку съ дерева, то она перелетая дѣлаетъ скорое, звонкое ку-ку-ку-ку-ку!..)

Таковы пѣсни свистового соловья (помимо разныхъ мелкихъ). Эти пѣсни свойственны не каждой птицѣ, но мы говоримъ вообще, какія пѣсни имѣетъ свистовой соловей. Нынѣшніе свистовые соловьи противу прежнихъ, строго говоря, нѣсколько похужѣли, именно (между прочимъ) „червяковой“ рѣдко кричатъ; прежніе кричали ею на два манера, за то впрочемъ послѣдніе свистовые „дробями“ кричатъ несравненно лучше. Лѣтъ двадцать пять назадъ, здѣсь былъ сортъ свистовыхъ соловьевъ, такъ называемыхъ (по странной фантазій одного охотника) „аллигаторы“, которые хорошо кричали „водопойной“ и „юлиной“ (серебристою) дудками; вообще эти соловьи отличались полнотою пѣсни противъ обыкновенныхъ свистовыхъ.

Перейдемъ къ „Графской“ птицѣ.

„Графскій“ соловей впервые привезенъ лѣтъ 8-мъ назадъ—птица можно сказать новая, но недалекое будущее покажетъ, что должно быть... Пѣсня „графскаго“ соловья противъ свистового, говоря вообще, покороче, но сильнѣе. Замѣчательныя пѣсни его—„стукотни“, „дудки“ и „дроби“; кромѣ того кричитъ „кукушкинымъ перелетомъ“, „елыканьемъ“. Лучшая „графская“ птица была здѣсь (во все время какъ эта охота появилась), если не ошибаемся, въ 1874 г. Она была привезена Н. П. Буровымъ (при содѣйствіи вышепомянутаго ловца Дудкина) и принадлежала охотнику К. П. Смѣжевскому; висѣла въ „Прагѣ“, у Арбатскихъ воротъ Дѣйствительно эта была превосходная

птица, заставлявшая молчать всѣхъ другихъ!.. Она кричала „стукотнями“, „дудками“, „дробями“ и пр. пр., но какъ кричала—вотъ главное; чего здѣсь передать невозможно.

О достоинствѣ пѣсни можно сказать лишь, что хорошая птица (будетъ ли она многопѣсенна или съ ограниченнымъ „составомъ“ пѣсенъ, разумѣется хорошихъ) должна исполнять пѣсни сильно, отчетливо и выразительно. Отмѣнно хорошо если каждая пѣсня „съ приѣма“, на примѣръ—съ ворона, „скронъ“ и „дробь“.., также другія пѣсни. Тоже хорошо съ „удара“ дробью, „съ свпста“, „съ синички“ пня пѣсни; хорошо когда съ синички „починъ“, словъ двадцать, вяло (не спѣшно). Обязательно долженъ быть „планъ“ пѣсни (вообще). Хорошая, вѣрная птица, когда исполняетъ пѣсню, строго держится плана *) (не переставляетъ пѣсенъ какъ попало) и исполняетъ съ короткой перемолчкой послѣ каждой пѣсни — „разстановистая птица“. Если она многопѣсенна, то раздѣляетъ пѣсни на два, на три плана. Дроби у нея длинны и сильны, какъ и „стукотни“, притомъ отчетливы,—„дудки“ длинны и чисты. Такова „круглая птица“, т. е., когда все у ней хорошо. Вообще о хорошей и плохой птицѣ можно сказать такъ: одна кричитъ на вершокъ, другая на аршинъ.

Когда одна птица кричитъ пѣснями птицы другого сорта, тогда такъ и говорится, обозначая съ такими-то пѣснями, на примѣръ свистовая съ польскою пѣсней, графская съ свистовою дудкою или иначе свистовая съ польскимъ ходомъ. Когда одна птица кричитъ пѣснями двухъ разныхъ птицъ, то называется съ „двумя ходами“.

Ко всему сказанному нелишнимъ считаемъ прибавить нѣсколько словъ о содержаніи соловьевъ. Мы лишь недавно стали охотиться этой птицей, а потому и можемъ сказать лишь нѣсколько словъ. Охотники-знатоки кормятъ соловьевъ муравьиными яицами, мурашкой и тараканами, одни даютъ сухой кормъ, другіе обварный. Лѣтомъ свѣжія муравьиныя яица. Кормъ настоящій и общепринятый у соловьятниковъ, но слѣдовать имъ не совѣтуемъ, не совѣтуемъ такъ грубо относиться къ птицѣ, къ любимому живому существу, какъ относятся господа „охотники-знатоки“: имъ дорога только пѣсня, а жизнь птицы имъ вовсе недорога. Будь это иначе, они не довѣряли бы ухода за птицей кухонной прислугѣ, потрудились бы размыслить, что кормъ неудовлетворителенъ и знали бы отчего птица хвораетъ. Не дѣло, господа охотники, не дѣло такъ относиться къ птицѣ, надо ее знать всесторонне и заниматься ею больше, чѣмъ своею особою.

Муравьиныя яица дѣйствительно кормъ настоящій, но въ зимнее время малопитателенъ; еще того больше мурашка она даже не переварима, что доказывается тѣмъ, что птица выкидываетъ ее погадкой. Тараканы вещь хорошая, но не всегда ихъ достанешь; не

*) Окончательно это выработывается у старой птицы.

у всѣхъ они въ квартирѣ водятся, а въ Охотномъ ихъ часто по недѣлямъ не бываетъ. Но они, какъ живой кормъ, для соловья необходимы и незамѣнимы. Кормить ими должно остерегаясь лишь ожирѣнія птицы, т. е. надо давать понемногу. Никогда не слѣдуетъ давать замятыхъ таракановъ, слабо двигающихся, остерегаясь мореныхъ. Яица съ мурашкой необходимо обваривать, и отжавши пережѣшивать вмѣстѣ съ морковью, тертою на теркѣ и, смѣшанную съ толченымъ бѣлымъ хлѣбомъ, рубленую потомъ ножомъ (чтобы не было длинныхъ волоконъ). При кормленіи слѣдуетъ держать птицу такъ, чтобы она кормъ всегда брала охотно; дѣлать такъ, чтобы на утро, часамъ къ семи или къ восьми, птица спрашивала корму, своими движеніями (что легко замѣтить) или крикомъ. Отнюдь не давать теплаго корма и также не лишать соловья воды (не опасаясь за пѣсню, но опасаясь за здоровье птицы); пьетъ онъ или не пьетъ, вода у него всегда должна быть, хотя бы потому, что на волѣ птица всегда близъ воды и въ клѣткѣ она часто купается. А сипота голоса (нерѣдка весною) обстоятельство поправимое: не давать сильно кричать и давать сладкую воду (леденцовую). Сипоту отъ свѣжихъ яиць, сразу данныхъ весною, послѣ зимняго корма, легко устранить тѣмъ, что давать свѣжія яица (когда они только появятся) какъ можно меньше, на счетъ, отъ 3 или 5 шт. (крупн. яица). И такъ постепенно сводить на свѣжій кормъ. Чистка клѣтки можетъ быть черезъ день и даже два раза въ недѣлю, но тогда въ комнатахъ слышится дурной запахъ. Въ лѣтнее время приходится чистить каждое утро (особенно когда клѣтка закрыта, у „дикой“ птицы), такъ какъ каждое утро птицѣ нужна свѣжая вода. „Дикую“, т. е. новоловленную; птицу не слѣдуетъ держать съ завязанными крыльями, ибо она уже не день связана, уловца. Въ жаркое лѣтнее время песокъ на поддонкѣ спрыскивать водой, чтобы въ клѣткѣ была влага и птицѣ не такъ было жарко. По прошествіи лѣта, осенью слѣдуетъ перегнать птицу въ другую, чистую клѣтку, а прежнюю тщательно вычистить (собственноручно) и убрать, сохраняя отъ пыли до весны; тогда снова перегнать въ нее птицу. Въ ясные солнечные дни (лѣтомъ изрѣдка, зимою возможно чаще) ставить птицу на солнцѣ, лѣтомъ смотря по погодѣ, зимою оставляя возможно дольше. Какъ можно оберегать птицу отъ сквозного вѣтра, во всякое время года. Когда будетъ замѣчено, что птица мало ѣстъ корму, оставаясь сама совершенно здоровою, то ничего больше не дѣлать, какъ сократить порцію корма и до тѣхъ поръ давать меньше противъ прежняго, пока птица станетъ просить. Если будетъ замѣчено, что птица чихаетъ (что бываетъ отъ простуды въ сырыхъ и холодныхъ комнатахъ, гдѣ кромѣ того птица страдаетъ ногами, когда птица на сквозномъ теченіи воздуха и отъ теплаго корма), то, по удаленіи этихъ причинъ, немедленно слѣдуетъ дать бертолетовой

соли, растворенной въ водопойкѣ. Мы давали въ продолженіи недѣли (въ большую водопойку, по малой щепоткѣ) и болѣзнь проходила, замѣченная въ самомъ началѣ. При болѣзней ногъ отъ холода, когда птица, избѣгая жердочки, садилась животомъ на поддонкѣ, мы помѣщали клѣтку въ теплое мѣсто и по прошествіи нѣсколькихъ дней птица поправлялась, не жаловалась ногами. При запорѣ (отъ дурного корма—сухія яица и мурашка, или тоже обваренное, при продолжительномъ отсутствіи таракановъ), слѣдуетъ давать соленую воду.

Вначалѣ нашей охоты у насъ были и другіе болѣзненные случаи съ птицами, съ печальнымъ исходомъ, но о нихъ мы намѣрены сообщить отдѣльно. При вышеописанномъ нашемъ кормѣ, съ морковью, при тщательномъ уходѣ, у насъ птицы живутъ, слава Богу, здоровы и веселы.

Канарейки въ нынѣшній сезонъ (80 г.) гремѣли тѣже Боровскія Овчинникова, у того же А. С. Чеснокова въ Охотномъ ряду. Проваторовскія П. Θ. *) были весьма плохи, что мы слышали у Егорова (отъ Бузнякова),—даже не въ охотѣ. Овчинниковская птица нынче была съ новыми пѣснями и прежними кричала значительно лучше противъ прошлаго года, именно „розсыпями“ въ „оборотъ“ и овсянками, гораздо звончѣе; дудки какъ и у прежнихъ, но замѣчательная новая пѣсня „бубенчиками“ (выработана изъ овсянки). Мы отъ души рады, что Овчинниковская канарейка такъ высоко стоитъ въ охотѣ, она не допускаетъ никакого себѣ соперничества. Продающіяся здѣсь (пресловутыя) заграничныя канарейки—просто воробьи противъ нашей Боровской, Овчинниковской канарейки.

Т. Рябининъ.

1880 г.

*) Д. Я. Проваторова были проданы въ Петербургъ.